

М. В. Пресняков

Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина — РАНХиГС
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация

Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации

Резюме. В Конституции РФ используются различные с юридической точки зрения концепты «равенство перед законом» и «равноправие». Первое обещает субъектам равное отношение со стороны закона, но не равные права и обязанности. И только в этом случае слово «все», используемое в ст. 19 Конституции, может иметь действительный смысл: и гражданин, и юридическое лицо, и субъект Российской Федерации, и само государство уравниваются в одинаковом применении к ним правовых норм, которые, безусловно, будут содержать различные предписания в отношении данных субъектов. На сегодняшний день весьма актуален вопрос о признании и защите так называемых групповых прав. Уже права второго поколения — социально-экономические права — во многом связаны с фактическими условиями их реализации: если личные права основаны на идее формального равенства, то для данной группы прав равенство предполагает «утвердительные действия» государства, направленные на выравнивание фактических условий правопользования. В связи с этим возникает проблема оппозиции формального и фактического равенства: фактическое равенство, как правило, рассматривается как оппозиция равенству формальному. Между тем если перейти на язык строгой терминологии, то фактическое равенство означает совсем не равенство результата или социально-экономическое равенство, а лишь формальное равенство, снабженное механизмами его действительной, «фактической» реализации.

Ключевые слова: равенство; равноправие; равенство перед законом; законность; групповое равенство; фактическое равенство; формальное равенство; равенство результата

Для цитирования: Пресняков М. В. Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 33–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.033-041

The Constitutional Principle of Equality as a Complex Concept: Problems of the Addressee and the Degree of Implementation

Mikhail V. Presnyakov

Volga Region Institute of Management
named after P.A. Stolypin (RANEPA)
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. The Constitution of the Russian Federation uses concepts that are different from the legal point of view, namely: «equality before the law» and «equality of rights» The first term means equal treatment by the

law, but not equal rights and obligations. And only in this case, the word «all» used in Art. 19 may have a valid meaning: a citizen, a legal entity, a constituent entity of the Russian Federation, and the State itself are equal since they are equal regarding legal norms applied to them, which, of course, will contain various prescriptions in relation to these subjects. Today, the issue of recognizing and protecting so-called group rights is very relevant. The rights of the second generation — socio-economic rights — are largely related to the actual conditions for their implementation: if personal rights are based on the idea of formal equality, then for this group of rights equality presupposes «affirmative actions» of the State aimed at equalizing the actual conditions of legal use. In this regard, the problem of opposition to formal and actual equality arises: actual equality is usually considered as opposition to formal equality. Meanwhile, if we switch to the language of strict terminology, then actual equality does not mean at all equality of the result or socio-economic equality, but only formal equality that means ensuring it by mechanisms of its «factual» implementation.

Keywords: equality, equality before the law; equality of rights; legality; group equality; actual equality; formal equality; equality of result

Cite as: Presnyakov MV. The constitutional principle of equality as a complex concept: problems of the addressee and the degree of implementation. *Lex russica*. 2025;78(2):33-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.033-041

Именно потому, что порядок вещей
всегда стремится нарушить равенство между людьми,
сила законодательства всегда должна быть направлена
на поддержание этого равенства.

Ж.-Ж. Руссо

Введение: равенство перед законом — равноправие и законность

Статья 19 Конституции Российской Федерации, которую многие считают прямым текстуальным выражением принципа равенства прав и свобод (что, на наш взгляд, небесспорно), провозглашает, что все равны перед законом и судом.

Некоторые авторы считают, что эта статья Основного закона «закрепляет фундаментальный принцип правового государства — формальное, т.е. юридическое равенство всех людей независимо от пола, расы, национальности, языка и т.д.»¹. Таким образом, фактически здесь говорится не о равенстве всех перед законом, а о равноправии, т.е. равенстве прав независимо от пола, расы и т.п., что, на наш взгляд, не тождественно равенству всех перед законом.

В статье 19 Конституции Российской Федерации использовано максимально общее определение субъектов юридического равенства — «все». Слово «все» предполагает, что перед законом равны и граждане, и лица без гражданства, и юридические лица, и публично-правовые образования, и др. Иными словами, дан-

ную конституционную норму можно понимать как закрепление равенства между гражданином и, например, религиозным объединением. Но как такое может быть, если последнее даже не обладает общей правоспособностью?

Более осторожно выражается известный конституционалист, судья Конституционного Суда РФ в отставке Н. С. Бондарь, который полагает, что правовой характер государства лишь «сближает его (данного принципа) нормативное содержание с требованием ч. 2 ст. 6 как одной из основ конституционного строя России, предусматривающей равенство зафиксированных в Основном Законе прав, свобод и обязанностей для каждого гражданина РФ»². Во-первых, речь идет уже о равноправии граждан России, что оставляет за его рамками не только иностранных граждан и лиц без гражданства, но и российские же юридические лица. Во-вторых, неслучайно Николай Семенович говорит лишь о сближении, сходстве равенства перед законом и равноправия, но не об их тождестве: даже граждане Российской Федерации в силу специального статуса обладают различным объемом прав.

¹ Конституция Российской Федерации : доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013.

² Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, Инфра-М, 2011.

Что же тогда обозначает принцип равенства всех (граждан, неграждан, общественных объединений, религиозных организаций и т.п.) перед законом? Каково его нормативное содержание? Представляется, что имеется в виду одинаковое отношение со стороны закона ко всем этим различным субъектам.

В Конституции Российской Федерации используются разные с юридической точки зрения концепты «равенство перед законом» и «равноправие». Первое обещает субъектам равное отношение со стороны закона, но не равные права и обязанности. И только в этом случае слово «все», используемое в ст. 19 Конституции, может иметь действительный смысл: и гражданин, и юридическое лицо, и субъект Российской Федерации, и само государство уравниваются в одинаковом применении к ним правовых норм, которые, безусловно, будут содержать различные предписания в отношении указанных субъектов. Ни о какой равной правоспособности или равноправии в данном случае и речи быть не может.

Как нам представляется, статья 19 Основного закона совсем не утверждает равноправие (за исключением гендерного равноправия) и равную правосубъектность «всех», а лишь гарантирует одинаковое применение закона к любым субъектам права. Таким образом, сам по себе правовой статус не является равным (одинаковым) даже у граждан: закон представляет собой масштабное поле дифференциации правового положения субъектов права, однако его применение к этим субъектам должно быть одинаковым.

Что значит одинаковое применение закона к разностатусным субъектам? По сути, это означает строгое соблюдение закона, т.е. принцип законности.

1. Конституция о равенстве перед законом

Принцип равенства всех перед законом находит в Конституции РФ ряд субъектных (а иногда и объектных) конкретизаций максимально обобщенного понятия «все». Так, статья 13 Основного закона гарантирует равенство перед законом общественных объединений. Здесь речь также идет о равенстве общественных объединений по отношению к закону, но не о взаимном ра-

венстве в правах и обязанностях. Это различие равенства перед законом и равноправия даже более разительно, чем в отношении человека и гражданина, поскольку, в отличие от последнего, общественные объединения обладают специальной правоспособностью, что предполагает специфику объема прав в зависимости от их вида. Например, много ли общего можно найти в правовом положении политической партии и религиозной организации? Становится еще более очевидно, что принцип равенства обещает равноправие только субъектам, обладающим одинаковым правовым статусом, и законность всем остальным. Например, у различных видов общественных объединений имеются свои основания прекращения их деятельности; принцип равенства перед законом будет состоять в том, что при наличии соответствующего основания деятельность такого объединения должна прекращаться. Это и есть равное обращение со стороны закона, и, как можно убедиться, оно имеет больше общего с принципом законности, чем с равенством.

Отдельно статья 14 Конституции РФ говорит о равенстве перед законом религиозных объединений, притом что все они отделены от государства и пользуются его защитой как «частные» субъекты. Иными словами, Основной закон гарантирует «светское» равенство религиозных организаций, абстрагированное от религиозного контента.

Как отмечается в специальной литературе, «равенство религиозных объединений перед законом означает:

— единые условия признания религиозной организации в качестве юридического лица с соответствующей этому статусу правосубъектностью;

— единые основания и порядок учреждения, создания и государственной регистрации религиозной организации;

— равные права, обязанности и условия ее деятельности (это гарантированный законом объем правомочий, позволяющий религиозным организациям как добровольным объединениям граждан в полной мере осуществлять совместное исповедание и распространение веры);

— равную ответственность за нарушение законодательства; право на одинаковую защиту законом независимо от их религиозной принадлежности»³.

³ Головин Е. Г. Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? // Власть. 2018. № 9. С. 86.

С указанной точки зрения объединения, исповедующие традиционные, признанные религии, по своему правовому статусу не отличаются, например, от пастафарианства (Церкви Летающего Макаронного Монстра) — придуманной американским физиком Бобби Хендерсоном пародийной религии. Диссонансом такому юридическому (правовому) равенству религиозных объединений перед законом будет вмешательство государства непосредственно в вопросы веры. Например, в 2013 г. в состав ст. 148 УК РФ, который в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации запрещает незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, были внесены изменения, предусматривающие уголовную ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих.

Понятно, что данная норма появилась *ad hoc* как ответ общества и государства на возмутительный скандал с «панк-молебном», учиненным феминистской панк-рок-группой Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Кстати, участницы этого действия были приговорены к реальным срокам за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Однако власть решила «подстраховаться» на случай повторения подобных эксцессов и ввела в УК РФ упомянутую выше норму.

Тем самым государство вмешивается в само содержание вероисповедания, поскольку для того, чтобы привлечь лицо к ответственности по названной статье УК РФ, нужно по меньшей мере квалифицировать оскорбительность того или иного действия по отношению к конкретным религиозным канонам. И это неизбежно приводит к нарушению принципа равенства религиозных объединений перед законом. Оскорбление чувств каких именно верующих является уголовно наказуемым? Пастафарианцев тоже или о исповедующих только традиционные религии?

Кстати, автор процитированной выше работы — Е. Г. Головин — в результате своего исследования приходит к выводу, что законодательное выделение «традиционных религий» не противоречит принципу равенства перед законом религиозных объединений и «Русская православная церковь, как, впрочем, и другие

конфессии России, де-факто являющиеся традиционными конфессиями, объективно нуждаются в правовой легитимации своего статуса со стороны федерального, а возможно, и регионального законодателя»⁴. Как нам представляется, это станет только началом государственного вмешательства в вопросы веры (которые не следует путать с деятельностью религиозных организаций) и правовой сегрегации религиозных объединений.

2. Атрибутивное равенство как равенство перед законом

В некоторых случаях Конституция РФ закрепляет не равенство субъектов права, а своего рода «объектное» или «атрибутивное равенство», в рамках которого предусматривается равенство каких-либо характеристик субъектов. Например, статья 6 Основного закона провозглашает равенство гражданства вне зависимости от оснований его приобретения, т.е. в данной норме говорится не о правах и свободах (хотя и это предполагается), но о самой правовой связи человека с государством. В частности, это означает, что натурализованные граждане России обладают такой же устойчивой правовой связью с государством, как и граждане по рождению. Между тем в Федеральном законе от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» предусматривается ряд оснований недобровольного прекращения (лишения?) гражданства тех лиц, которые приобрели его в результате признания гражданином или приема в гражданство. Таким образом, в отношении названных граждан связь с российским государством оказывается менее «устойчивой» или прочной, чем в случае граждан по рождению.

В статье 8 Основного закона указывается, что все формы собственности, признаваемые в Российской Федерации, защищаются законом в равной мере. Соответственно, речь идет об отношениях собственности, в которых находится или в которые вступает субъект права.

Кстати, приведенный конституционный тезис позволяет многим авторам утверждать, что Основным законом закрепляется равенство всех форм собственности: «Конституция РФ устанавливает многообразие и равную защиту форм собственности, т.е. равенство всех форм

⁴ Головин Е. Г. Указ. соч. С. 89.

собственности, что означает их равный правовой режим и равное содержание права собственности независимо от ее формы»⁵.

Как нам представляется, это совершенно неверно, поскольку речь все равно идет о равенстве перед законом, а не о титульном равенстве форм собственности. Конституция закрепляет не равный правовой статус объектов этих видов собственности или самих собственников в правах владения, пользования и распоряжения ими, а только равное отношение со стороны закона. «...Очевидно, что различные формы собственности не могут быть абсолютно равны между собой. В частности, существуют отдельные виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Различны также способы приобретения и прекращения права собственности для различных субъектов. Исходя из этого Конституция РФ говорит не о равенстве, а о “признании и защите равным образом” всех форм собственности»⁶.

Это своего рода «экономическая» конкретизация принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленного в ст. 19 Конституции РФ.

Кроме того, к атрибутивному равенству, на наш взгляд, относится закрепленный в ч. 4 ст. 32 Основного закона принцип равного доступа к государственной службе, т.е. это тоже конкретизация равенства перед законом в виде равного правового отношения к государственной службе.

3. Правовое равенство и равноправие

Зачастую современная полемика о равенстве или неравенстве упирается в неразграниченность концепта равенства в зависимости от сферы общественной жизни. Иными словами, такие понятия, как «экономическое равенство», «социальное равенство», «политическое равенство» и др., обусловлены тем параметром, в рамках которого происходит

сопоставление индивидов, идентифицируется их равенство или неравенство. Так что же тогда представляет собой правовое равенство? По всей видимости, исходя из того, что мы говорили выше, оно несводимо к равноправию или равенству в правах и обязанностях, а представляет собой равенство относительно права, т.е. равнозначное применение правовых норм к различным субъектам. Это не равенство прав, а равенство в праве — синоним законности. К преступнику, политической партии, работнику, религиозному объединению, государственному служащему и т.п., несомненно, будут применяться различные правовые нормы, однако применяться они должны единообразно. Отступлением от данного принципа является произвол.

Известна устойчивая правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой «равенство всех перед законом и судом, а также равноправие могут быть обеспечены лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями; нарушение принципа формальной определенности норм, напротив, допускает неограниченное усмотрение в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит — к нарушению принципа равенства при осуществлении конституционных прав и свобод»⁷. Заметим, что Суд говорит не о равенстве прав и свобод, а о равенстве в осуществлении прав, в равнопользовании.

На равноправие же указывают используемые в Конституции РФ при описании отдельных прав и свобод слова «каждый», «никто» и др. При этом индивиды уравниваются не в праве («равенство перед законом»), а в правах. Например, конституционный тезис «каждый имеет право на жизнь» означает, что все индивиды обладают равным правом на жизнь. Или формулировка «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» выражает инверсию равного права каждого на мнения и убеждения.

⁵ Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2017.

⁶ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” в связи с жалобами граждан А. Ф. Кутиной и А. Ф. Поварничины» // СЗ РФ. 2008. № 51. Ст. 6205.

4. Равенство «всех»

Наименование гл. 2 Конституции РФ приводит к выводу, что в ней говорится о равенстве не «всех», а только лишь индивидуальных субъектов права — человека или гражданина. Например, как таковых конституционных прав юридического лица в рамках текстуальной конституционной терминологии не существует. Однако Конституционный Суд РФ почти с самого начала своего существования обозначил, что права юридических лиц также гарантируются и защищаются Конституцией РФ, и последовательно придерживался этой позиции. Суд неоднократно отмечал, что на юридические лица как объединения граждан, являющиеся самостоятельными субъектами права, могут распространяться права и свободы, гарантированные Основным законом, если они по природе своей могут принадлежать юридическому лицу⁸.

На наш взгляд, чрезвычайно важной задачей доктрины является определение той группы конституционных прав, которые могут принадлежать коллективным субъектам в целом и юридическим лицам в частности. Вряд ли к таким правам можно отнести право на жизнь или на медицинскую помощь, а вот право на обращение в органы государственной власти или право на судебную защиту — несомненно (и это неоднократно подтверждалось Конституционным Судом РФ). Однако существует ряд прав, применительно к которым отсутствует консенсус относительно того, могут ли они по своей природе принадлежать юридическому лицу либо объединению граждан: свобода слова, свобода передвижения, презумпция невиновности и др. Например, в отношении последней КоАП РФ устанавливает, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ст. 2.1).

Следует отметить, что на сегодняшний день весьма актуален вопрос о признании и защите так называемых групповых прав. Уже права второго поколения — социально-экономические права — во многом связаны с фактическими

условиями их реализации: если личные права основаны на идее формального равенства, то для данной группы прав равенство предполагает «утвердительные действия» государства, направленные на выравнивание фактических условий правопользования. В этой связи государства вынуждены осуществлять дифференциацию объема гарантируемых прав в различных сегментах социума: инвалиды, пенсионеры, молодежь и т.п. Вместе с тем дифференциация применительно к различным социальным группам должна сочетаться с принципами равенства и недискриминации в рамках одного сегмента. Соответственно, появляются права «групповой принадлежности», возникающие в силу ассоциации личности с определенной социальной стратой.

В данном случае дихотомия «личность vs государство» сменяется антиномией «мы (женщины, инвалиды, молодежь и т.п.) vs другие»: несмотря на то что притязания по-прежнему адресуются государству, их суть смещается из области «вертикальных отношений» в плоскость «горизонтальных». Например, квотирование рабочих мест для определенных социальных групп хотя и осуществляется государством, но в действительности обязывает частных лиц.

На наш взгляд, все это актуализирует проблему группового равенства и равноправия: какие объединения людей могут считаться формально равными, в каком отношении такое равенство может распространяться на индивидов и т.п.

Заключение:

формальное и фактическое равенство

Другая проблема, которая возникла в связи с признанием социальных прав, связана с оппозицией формального и фактического равенства. Фактическое равенство, как правило, рассматривается как оппозиция равенству формальному. Так, представители либертарно-юридической концепции права, в основу которой положен принцип формального равенства субъектов, отрицают возможность фактического равенства как юридического концепта, считая его «фан-

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области».

тазмом» вроде «деревянного железа», вербальной конструкцией, подразумевающей нечто совершенно иное, чем равенство⁹. Более того, попытки обеспечить фактическое равенство рассматриваются ими как нарушение равенства формального путем предоставления отдельным категориям лиц каких-либо привилегий и преференций. Формальному же равенству всегда сопутствует фактическое неравенство: «Равноправие как формальное равенство предполагает неравенство в фактически приобретаемых субъективных правах»¹⁰.

Впрочем, на наш взгляд, оппозиция формального и фактического равенства не вполне корректна с позиции семантики этих терминов. Антонимом к слову «формальное» является слово «материальное», а совсем не «фактическое».

Между тем во многом такие дискуссии связаны с отсутствием консенсуса в понимании формального и фактического равенства. Обычно под фактическим равенством принято подразумевать равные возможности в материальном смысле данного слова, что объединяет в себе не только собственно юридическое равенство, но и социальное, экономическое, культурное и другое равенство. При этом претензии на такое равенство, как правило, рассматриваются в качестве неправовых притязаний.

Слово «фактический» означает «действительный», «соответствующий фактам», т.е. фактическое равенство в юриспруденции не несет в себе социально-экономического аспекта и не предполагает равенства в получении или обладании какими-либо благами. Слово «формальный» обладает более богатым спектром значений: от близкого именно юриспруденции («официальный», «законный») до негативного («формализм», т.е. «соблюдающий только форму, не считающийся с действительным положением дела»¹¹).

Если перейти на язык такой терминологии, то фактическое равенство означает совсем не равенство результата или социально-экономическое равенство, а лишь формальное равенство, снабженное механизмами его действи-

тельной, «фактической» реализации. Так, в отношении равного доступа к государственной службе фактическое равенство требует механизма его реального обеспечения, например, в виде конкурса на замещение должностей и т.п. В отношении равного избирательного права, помимо «формального» признания данного права, необходимо обеспечить механизм его реализации.

Говоря же о равной правоспособности и различии приобретаемых на ее основе субъективных прав, мы касаемся дихотомии равенства возможностей и равенства результата. Как отмечают некоторые авторы, «немаловажное значение имеет то, из какого понятия равенства исходит конституционная концепция — “равенства возможностей” или “равенства результатов”. Очевидно, что современный российский принцип юридического равенства исходит из равенства возможностей, т.е. равноправия»¹². Сложно не согласиться с тем, что «при формальном равенстве и равной правоспособности неодинаковых людей их реально приобретенные права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни) будут неравными»¹³.

Но что такое «равенство результатов»? Слово «результат» означает «конечный итог, ради которого осуществляется какое-л. действие», «последствие цепочки действий или событий, выраженных качественно или количественно». При противопоставлении «равенства возможностей» и «равенства результатов» следует точно определиться, а какой, собственно, результат мы имеем в виду. Если опять-таки обладание какими-либо благами (приобретение собственности, получение дивидендов и т.п.), это вне компетенции юриспруденции и зависит от многих факторов. А вот если рассматривать юридический результат, т.е. последствие цепочки юридических действий, то равенство результатов — непременное условие существования права: совершая одно и то же юридическое действие, субъекты вправе рассчитывать на одинаковый результат.

⁹ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2005. С. 19.

¹⁰ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997.

¹¹ Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

¹² Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

¹³ Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. С. 39–40.

Это значение равенства, наверное, ближе всего к равенству перед законом и судом.

Как представляется, концепция естественных прав, которая на сегодняшний день является конституционно общепризнанной, исходит из отсутствия различия между правоспособностью и реальным правообладанием: все права, гарантированные Основным законом, принадлежат человеку актуально от рождения, а не приобретаются им в зависимости от возникновения каких-либо юридических фактов. Вместе с тем право на образование, медицинскую помощь или социальное обеспечение по возрасту является таким же естественным, как и свобода слова или право на жизнь. Собственно, только при этом условии права, закрепляемые конституциями, могут рассматриваться как субъективные права личности. В противном случае они становятся лишь «этикетками» отраслевых субъективных прав.

Данная мысль превосходно выражена в известном афоризме французского философа Жан-Жака Руссо, который приводится в качестве эпиграфа к настоящей работе: сам порядок общественных отношений неизбежно пытается стереть всякое равенство между людьми — это своего рода социальная энтропия. Вместе с тем законодатель (и в первую очередь конституционный законодатель) должен предусмотреть такие правовые механизмы, которые будут обеспечивать реализацию принципа равенства.

Иными словами, совершенно недостаточно провозгласить на конституционном уровне равенство всех перед законом и судом и пресекать попытки неправомерными действиями его нарушить (подкуп, насилие и т.п.). Гораздо сложнее создать условия, при которых этот принцип мог бы имплементироваться, «прижиться» на почве существующей социальной реальности. Так, например, статья 19 Конституции РФ, помимо общего, «титульного» закрепления принципа равенства всех перед законом и судом, провозглашает, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Это,

кстати, одно из немногих в Основном законе упоминаний именно равноправия, а не равенства перед законом.

Текстуальный подход к указанной декларации может вызвать недоумение: если мужчина и женщина уже обладают равными правами, да еще и равными возможностями для их реализации, зачем закреплять это в Основном законе? Зачем предусматривать отдельно такой «частный случай» принципа равенства? Все дело в том, что, во-первых, равноправие (в данном случае мужчин и женщин), как мы уже говорили выше, не тождественно их равенству перед законом, а представляет собой следующий шаг — реализованное равенство. Во-вторых, совершенно очевидно, что мужчины и женщины обладают различными возможностями для реализации гарантированных им Конституцией РФ прав.

Фиксация в Основном законе равных прав и возможностей их реализации для мужчин и женщин означает не констатацию факта, а обязательство, взятое на себя государством, которое должно обеспечить эти равные возможности реализации прав. Вместе с тем здесь важно отметить еще одно следствие проведенного различия между материальным и фактическим равенством: сами механизмы обеспечения фактического равенства не должны носить формальный характер «позитивной дискриминации».

Приведем конкретный пример: наиболее простой и очевидный путь обеспечить равенство мужчины и женщины при трудоустройстве — ввести квотирование должностей или рабочих мест. Однако может возникнуть проблема «обратной дискриминации», когда будут ограничены права уже мужчин. Можно сказать, что здесь имеет место формальное обеспечение фактического равенства, поскольку вместо реального равенства возможностей правопользования ситуация «подгоняется» под желаемый показатель. Между тем адекватным механизмом реализации принципа равенства в рассматриваемой ситуации может оказаться проведение конкурсного отбора на замещение соответствующей должности или работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, Инфра-М, 2011. 544 с.

Головин Е. Г. Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? // Власть. 2018. № 9. С. 86.

Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002.

Конституция Российской Федерации : доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013. 688 с.

Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997.

Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 608 с.

Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. № 2.

Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2005.

Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

REFERENCES

Avdeenkova MP, Golovistikova AN, Grudtsyna LYu, et al. Constitution of the Russian Federation: doctrinal commentary (article-by-article). 2nd ed. Moscow; Statute; 2013. (In Russ.).

Bondar NS. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2011. (In Russ.).

Chetvernin VA (ed.). Constitution of the Russian Federation: problematic comment. Moscow; 1997. (In Russ.).

Golovin EG. Does the equality of religious associations before the law allow the existence of «traditional religions?» *Vlast'*. 2018;9:86. (In Russ.).

Komkova GN. Constitutional principle of equality of human rights and freedoms in Russia. Saratov: Saratov University Publishing House; 2002. (In Russ.).

Krasinsky VV. Protection of state sovereignty. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2017. (In Russ.).

Lapaeva VV. Legal principle of formal equality. *Journal of Russian Law*. 2008;2. (In Russ.).

Nersesyants VS. Philosophy of Law. Moscow; 2005. (In Russ.).

Tyutin DV. Tax law: course of lectures. «ConsultantPlus» Reference Database. 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пресняков Михаил Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — РАНХиГС, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии
д. 1, Вольская ул., г. Саратов 410056, Российская Федерация
presnykov1972@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Presnyakov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin (RANEPA); Professor, Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
presnykov1972@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 августа 2024 г.

Принята к печати 15 января 2025 г.

Received 15.08.2024.

Revised 22.08.2024.

Accepted 15.01.2025.